

ПРОТОНАУКА – МИФОЛОГИЯ – ИСКУССТВО**Чубур А.А.***Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Брянск,
e-mail: fennecfox66@gmail.com*

Первичное накопление знаний об окружающем мире в эпоху палеолита было бы совершенно невозможно без наличия речи и языка. Именно с помощью языка и речи осуществлялась трансляция культуры и знаний от поколения к поколению и среди современников. Накопленные знания и попытки объяснения окружающего мира на тотемистической основе в совокупности формируют мифологическую картину мира. Мифология, в свою очередь, находит отражение в различных формах искусства. Искусство, в том числе и изобразительное, постепенно становится самостоятельным способом отражения мира наряду с наукой. Таким образом, для эволюции процесса познания в эпоху палеолита автором предлагается следующая хронологическая последовательность событий: возникновение речи – формирование протонауки – создание мифологии – возникновение искусства.

Ключевые слова: теория познания, протонаука, мифологическая картина мира, возникновение искусства

PROTOSCIENCE – MYTHOLOGY – ART**Chubur A.A.***Bryansk State University named of Academician I.G. Petrovsky Bryansk,
e-mail: fennecfox66@gmail.com*

Initial accumulation of knowledge about the world in the Paleolithic era would be quite impossible without the presence of speech and language. It is through language and speech was carried broadcast culture and knowledge from generation to generation, and among his contemporaries. The knowledge and attempts to explain the world on the basis of the Totem together form the mythological picture of the world. Mythology, in turn, finds expression in various forms of art. Arts, gradually becomes an independent way of reflecting the world, along with science. Thus, the evolution of the cognitive process in the Paleolithic era author proposes the following chronological sequence of events: the occurrence of speech – formation protoscience – creation mythology – the emergence of art.

Keywords: epistemology, protoscience, mythological picture of the world, the emergence of art

Традиционно считается, что научное знание начинает формироваться лишь в III-II тыс. до нашей эры, когда появилась возможность специальной познавательной деятельности (сбор информации, ее проверка, накопление, сохранение и передача накопленных знаний от поколения к поколению). При этом зарождающаяся наука преподносится как «отрицание мифологии», поскольку ранее, «в сознании первобытных людей... знания о реальных свойствах вещей и процессов, получаемые практически, переплетались с фантастическими представлениями, составлявшими содержание мифологии» [17]. Но разве знания египетских, шумерских или вавилонских жрецов не были переплетены с мифологией и религией как минимум в не меньшей степени, чем знания людей каменного века? Более того, даже в современной науке наблюдается порой тяга к срастанию с мифологическими и религиозными концепциями – в качестве свежего примера можно привести «креационно-сальтационный преформизм» [16].

А.А. Гурштейн предлагает видеть в науке единый преемственный процесс на-

копления знаний: «Наука – неоднократно меняющаяся в зависимости от конкретных социально-исторических условий форма сознательной деятельности любого социума, необходимая для его существования; эта деятельность включает в себя эмпирическое наблюдение природы и общества для установления значимых связей и – в конечном счете – для оптимизации человеческого бытия по отношению к среде обитания и развития» [6]. Основываясь на этой трактовке, мы вправе говорить о науке, или, если быть осторожней в терминологии, о протонауке каменного века.

Потребность познания – одна из фундаментальных потребностей человека, двойственна по своей сути: она имеет как чисто практический, так и внутренний стимул. Человек отличается от животных и тем, что он, следуя внутреннему побуждению, по выражению братьев Стругацких, «желает странного». Создатель структурной антропологии, исследователь культуры первобытных племен Клод Леви-Стросс писал: «Жажда объективного познания образует один из наименее учитываемых аспектов мышления тех, кого мы называем «прими-

тивными» Если оно (это мышление) редко направляется к реальностям того же уровня, к каковым привязана современная наука, то подразумевает все же сопоставимые интеллектуальные действия и методы наблюдения» [12, с.113–114].

Распространенные среди обывателей представления о людях палеолита, как о примитивных дикарях без мысли и творчества, не имеют под собой почвы и зачастую являются плодом неоправданного высокомерия и самомнения наших современников. Не будет ошибкой утверждать, что протонаука зародилась одновременно с появлением первых людей, если её началом считать начало осмысленного накопления знаний об окружающем мире. Необходимость передачи накапливаемых знаний окружающим и от поколения к поколению могла быть реализована лишь при появлении речи. Не останавливаясь на проблеме ее возникновения, отметим, что именно с этого момента можно вести речь о протонауке. «Знание – это то, о чем можно говорить в дискурсивной практике, которая тем самым специфицируется: область, образованная различными объектами, которые приобретут или не приобретут научный статус» [19, с.180–181]. Безусловно, на первых порах процесс познания носил стихийный, но постепенно все более организованный характер, знания добывались эмпирическим путём. Рассмотрим основные достижения человека эпохи палеолита в выделяемых сейчас областях научного знания.

Математика. Ритмичные насечки и нарезки на костях, найденных при археологических раскопках поселений, неоспоримо свидетельствуют о знании счета. Счет возник благодаря повседневной практической деятельности, наблюдению за природными ритмами и познавательной процедуре сравнения [18]. Первоначально в разных местах зародились, вероятно, различные системы счета. Еще недавно у племен Торресола пролива было лишь два числительных – «урапун» (1) и «окоза» (2), их сочетания образовывали: 3 – «урапун-окоза» (2–1), 4 – «окоза-окоза» (2–2), 5 – «окоза-окоза-урапун» (2–2–1) и далее до шести. Предельным, за которым следовало понятие «много», у многих племен было число семь, о чем свидетельствуют археологические и этнографические данные. Причины тому и внешние (7 дней меж фазами Луны), и внутренние: это установленное психологами среднее значение естественной границы оперативной памяти человека. [15]. Возможно, уже в палеолите сформировалась и десятиричная система, основанная на использовании пальцев. Такое использование ко-

нечностей в процессе счета Н.Н.Миклухо-Маклай зафиксировал у папуасов. Первые четыре цифры они называли: «бе», «бе-бе», «бе-бе-бе» и «бе-бе-бе-бе». Число 5 выражалось как «ибон-бе» («одна рука»), а 10 как «ибон-али» («две руки») [8].

Астрономия. Ряд артефактов позволяет предполагать наличие в палеолите не только элементарной математики, но и зачатков астрономии. Археологи В.Е. Ларичев, Б.А. Фролов, В.Е. Куриленко, И.В. Шмидт, изучив ритмику орнаментов на некоторых предметах, полагают, что человек палеолита вел счет лунных фаз и отслеживал примечательные моменты движения небесных тел [10, 11, 18, 21]. Такой календарь был средством решения практических повседневных задач, связанных с определением сроков миграций стад животных (от заблаговременной подготовки к ним зависела удачная охота и, как следствие – выживание), решения бытовых проблем, воспроизводства рода (из пещеры Холе-Фельс известен предмет, на котором, по мнению некоторых археологов, помечены дни менструальных циклов). Изучение звездного неба и движения светил было практически необходимо не только для счета времени, но и для ориентирования на местности. Во время охотничьих рейдов, дальних походов за минеральным сырьем, сезонных миграций люди подчас преодолевали сотни километров. Однако выделить в материальной культуре палеолита предметы, которые уверенно можно было бы трактовать как звездные карты пока невозможно.

География. Люди палеолита, учитывая размах сезонных миграций и нередко удаленность поселений от источников сырья, безусловно, должны были обладать хотя бы примитивными географическими знаниями, накопленными в процессе жизни племени и отдельных его представителей и передаваемыми от поколения к поколению. Некоторые исследователи не исключают, что загадочные схемы, вырезанные на пластинах из бивня мамонта (например, на стоянках Межиричи и Елисеевичи) представляют собой примитивные географические карты [13].

Геология и палеонтология. Человек палеолита научился выбирать горные породы и минералы с заданными свойствами. Ему было необходимо знать расположение месторождений подходящего для производства орудий минерального сырья – кремня, яшмы, кварцита, халцедона, обсидиана. Требовалось специфическое сырье и для изготовления красок на основе окислов железа и марганца. Тягой к загадочному можно объяснить сбор остатков ископаемых организмов – окаменевших кораллов, раковин,

костей, использование янтаря. Такие находки встречаются на многих палеолитических стоянках, в их числе Хотылево 2, Елисеевичи, Юдиново, Мезин, Костенки, Авдеево, Быки. Это коллекционирование еще не палеонтология, а скорее палеоарт – создание украшений и предметов быта из палеонтологических объектов [9].

Физика. Расщепление кремня и обработка бивня и кости не столь простой процесс, как кажется обывателю, они вынуждали к освоению практической стороны такой сложной области знаний, как сопротивление материалов. Для успешного изготовления орудий и получения качественных заготовок нужно было осознавать, что при ударе трещина в толще кремня распространяется не по плоскости в направлении удара, а по поверхности конуса, уклоняющейся от направления удара тем больше, чем сильнее был удар. Важно было не только подготовить ударную площадку, рассчитать силу и направление ударов, но и предварительно подобрать качественный отбойник по твердости и вязкости материала [5]. Лишь после осознанной отработки алгоритма расщепления камня было возможно доведение этих действий до автоматизма. В процессе формирования такого знания, носившего рецептурный характер [22] оно обрастало духовной оболочкой магической обрядности, целью которой было в первую очередь закрепление рецептуры, табуирование отклонений от нее. Именно такое табуирование инноваций может объяснять весьма медленное развитие каменных индустрий и его скачкообразный, прерывистый характер.

Химия. Для получения минеральной краски путем обжига сферосидерита и лимонита необходимо было практическое знание элементарных окислительно-восстановительных процессов. По всей видимости, были знакомы людям палеолита жирирование и дубление шкур. Наконец еще неандертальцы владели процессом низкотемпературной перегонки березового дёгтя еще более 43 тыс. л. н, создав первый в истории клей, с помощью которого каменный наконечник копья прочно приклеивался к древку [25], а обитателям стоянок Дольни Вестонице, Павлов, Костенки 1, Тимоновка и ряда других был уже известен и способ превращения глины в керамику [14].

Биология. Невозможно сомневаться в том, что палеолитический человек изучал и знал особенности поведения (по крайней мере, с целью охоты и личной безопасности) и анатомии животных (для успешного поражения зверя и качественной разделки туш). Изобразительное искусство эпохи палеолита свидетельствуют не только о высокой степени

абстрактного мышления и чувстве гармонии, но и доказывает своим реализмом прекрасное знание анатомии и особенностей движения и поведения животных. Как собиратель, изучил он и полезные свойства сотен растений, из которых делали пищу, лекарства, плетеные изделия и даже текстиль [24].

Знания в палеолите не только накапливались, но и весьма тщательно классифицировались. Свидетельствуют об этом актуалистические наблюдения за так называемыми «примитивными» обществами.

Так, чукчи, согласно данным этнографа В.Г. Богораза, имели десятки наименований для оленей различного возраста, окраса, качества шерсти – намного больше, чем существует для этой цели слов в языках «цивилизованных» обществ. Только цветов оленьей шкуры чукчи различают 26, возрастных наименований для оленя у них 10 [4]. К. Леви-Строс сообщает, что индейцам хопи известно 350 видов растений, индейцам наваха – 500, а у филиппинского племени хануну – 2000. Хануну классифицируют птиц по 75 категориям, змей по 12, рыб по 60, раков по 12, пауков и многоножек по 12, насекомых по 108, пиявок по 4, морских моллюсков по 60 и пресноводных по 25 категориям. При этом, например, в 108 групп насекомых входит не менее 1000 их видов (то есть мы имеем дело уже с многоуровневой систематикой). Сложная классификация растений применяется и африканским племенем догонов: 22 семейства, входящие в 3 больших группы – деревья, кусты и травы. Терминология, применяющаяся «примитивными» обществами для классификации и номенклатура не уступают по сложности принятой Карлом Линнеем, каждый новый термин, зачастую, утверждался на совете племени [12, с. 114–116]. Вряд ли в палеолите ситуация коренным образом отличалась.

Итак, исходя из изложенного, можно смело сказать, что именно люди палеолитической эпохи, а не шумерские и египетские жрецы, были, по сути, первыми математиками и физиками, химиками и геологами, инженерами и астрономами, медиками, биологами и землепроходцами, заложившими фундамент современной цивилизации.

Главным для протонауки уже стал вопрос: «как?»: как это устроено, какие действия следует предпринять, чтобы получить определенный результат. Не может быть, чтобы вслед «как?» не возникло «почему?». Однако на это, кроме случаев, где наблюдаются очевидные логические взаимосвязи, чаще всего следовал стандартный ответ: «потому что мир так устроен». Для ответов на многие «почему» недоставало знаний, инструментария, методологии.

Поэтому интеллект, не терпя информационной пустоты, начинал создавать собственные объяснительные схемы.

Что мог человек взять за основу объяснения причин окружающего мира? То, что известно ему лучше, нежели окружающий мир: себя и свое человеческое окружение, социум, без которого человек быстро перестает быть человеком. Отсюда и вытекает неизбежный антропоморфизм первых объяснительных механизмов и интерпретаций – мифологических. С другой стороны человек осознавал себя частью мира, природы, а не чем-то над природой возвышающимся. Он не понял бы максимы «Человек – это звучит гордо», поскольку с точки зрения первобытного мышления человек равноценен любому компоненту мира – дереву, оленю, Луне, ветру и т.д. «Сущность тотемизма, заключается во взгляде на мир, в соответствии с которым человек является неотъемлемой частью природы, не имеет резких отличий от других живых видов и обладает той же жизненной сущностью» – считают супруги-этнологи К. и Р. Берндт [3, с.181].

По этой причине совершенно не случаен проходящий сквозь тысячелетия образ человекозверя (тотемного предка, а затем божества), как посредника между обособляющимся миром людей и природой, частью которой, несмотря на обособление, этот мир был. Это один из древнейших архетипов мышления, и он по сей день живет в нас – недаром же возникают зооантропоморфные персонажи комиксов и мультфильмов студии Диснея, народных сказок и сетевого фурри-арта [20]. Образ человека-бизона использует знаменитый писатель Нил Гейман в своем романе-бестселлере «Американские боги». В вестерн-фэнтези эпопее Стивена Кинга «Темная башня» также присутствуют человекозвери-тахины.

Высшим уровнем обобщения и систематизации накопленной информации в первобытном сознании стало создание мифологической картины мира. Миф – это обобщение знаний и представлений о мире в наглядных чувственно-конкретных, эмоциональных образах. Природа в мифах очеловечивалась, окружающий мир выступал в виде своеобразной «родовой общины», объединенной некими кровнородственными связями. Реки, ветры, светила, огонь, растения, люди, звери, птицы – все были одушевлены, ссорились, мирились, вступали в брак, рожали детей, охотились, готовили пищу. Для мифологической картины мира характерна нечувствительность к логическим противоречиям, ибо мир мифа стоит над обыденной логикой. Пространство мифов вневременно, поскольку события мифа

происходят обычно «у начала времен», но моделируют события, современные их создателям. Из мифов вытекала и древняя система ценностей, поскольку миф придавал вещам символическую значимость [1]. Постепенно мифология, как часть культуры, начала работать не только как объяснительный механизм и способ хранения информации о мире, но и как определенный направляющий и сдерживающий фактор, опирающийся на систему традиций и табу. Мировоззрение начинает формировать систему ценностей и социальных норм [23]. Совершенно логично, что вначале формируются технологии и связанное с ними протонаучное знание, и лишь затем возникает механизм социокультурного контроля над их применением и распространением. Мифологическая картина мира времен палеолита трудно восстанавливаема, однако она не могла в общих чертах не напоминать мифологии ныне существующих «примитивных» племен, технологически еще не покинувших каменный век.

Мы полагаем, что именно из мифологической картины мира произрастает и искусство, как одна из высших форм культурной деятельности человека. Мифы в древности не только и не столько рассказывались (тем более, что палеоязыки, видимо, были не очень богаты лексически), сколько изображались – как в живописи и пластике, так и в ритуальных танцах. Это особый способ передачи и закрепления информации в бесписьменных и дописьменных культурах. О танцах-повествованиях косвенно свидетельствуют находки древних ударных и духовых (типа флейты) музыкальных инструментов из костей мамонта и птиц (Мезин, Хотылево 2, Авдеево и др.). Таким образом, первую функцию искусства можно трактовать как способ закрепления накопленных знаний. Именно в палеолите наука и искусство, эти два вида осознания, анализа и отражения окружающего нас мира – интеллектуальный и чувственный – оказываются тесным образом переплетенными. На первых ступенях развития науки художественный образ имел исключительное значение.

Колоссально заблуждение авторов монографии «Русская философия XXI века», убежденных, что «Наскальная живопись не нуждается в речи, ей не мешает язык. Изображения животных никогда бы не появились, если бы человек сначала научился говорить, а потом взялся за кисть. В изображениях палеолита есть та наглядность и конкретность, которая невозможна в присутствии слова. ... Не язык был первой саморепрезентацией человека, а искусство. Живопись палеолита – это письмо до речи,

то есть письмо как образ, письмо без знаков... Язык – это всего лишь репрезентация того, что уже было сделано умозрением в красках во времена первобытного шизофреника» [7].

Нет, не язык возникает после искусства, но, напротив, язык и речь лежат в основе всей цепочки, ибо без них было бы принципиально невозможны накопление и систематизация знаний, а значит, не сформировалась бы на их основе и мифологическая картина мира, находящая, в свою очередь, отражение в первобытном искусстве.

О том же, что и мифология предшествовала изобразительному искусству, говорит не только логика, но и факты, а именно анализ распространения основных мифологических сюжетов, которое, как выяснилось, хронологически совпадает с инициальным расселением человечества [2]. Начальный этап этого расселения происходил не менее 50–70 тысяч лет назад – то есть гораздо раньше, чем родилось любое из известных нам ныне произведений искусства позднего палеолита.

Искусство, таким образом, оказывается наиболее поздней формой отражения окружающего мира в человеческой деятельности первобытной эпохи, и одновременно – отражением внутреннего мира человека, художника. Наиболее поздней, и может быть, поэтому – наиболее яркой и эмоционально окрашенной.

Список литературы

- Акимов О.Е. Донаучные формы: мифы и философия. Естествознание. Т.1. – Комсомольск-на-Амуре: Изд. Комсомольского-на-Амуре гос. технического университета, 1996. – 429 с.
- Березкин Ю.Е., Боринская С.А. О чем говорили наши далекие предки? // Природа, 2014 – № 12. – С.48–54.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. – М., 1981.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 222 с.
- Волков П.В. Особенности технологии расщепления изотропных тел эллипсоидных форм // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симпоз. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 265–275.
- Гурштейн А.А. Наука и Протонаука // Природа. – 1985. – № 4. – С.90–99.
- Ермолаев М., Кузнецов В.Ю., Гиренко Ф. Русская философия XXI века. Максимум. – М.: ИОИ, 2014 – 320 с.
- История математики. В 3-х томах / Под ред. А. П. Юшкевича. Том I: С древнейших времён до начала Нового времени. – М.: Наука, 1970. – 352 с.
- Киселев Г.Н., Чубур А.А. Находки окаменелостей в палеолите Русской платформы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, Серия 7, 2002. Вып.1. № 7. С.10–16.
- Куриленко В.Е. Об архитектонике орнаментов мезинских браслетов // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научн. конф. – Липецк: ЛГПУ, 1992. С. 61–63
- Ларичев В.Е. Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди. – Новосибирск: Наука, 1986. – 175 с.
- Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 387 с..
- Орешкин Д.Б. Время льдов. – М.: Недра, 1987. – 128 с.
- Праслов Н.Д. О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // Археологические вести. Вып.1. – СПб, 1992.С.28–39.
- Рабинович М. Оперативная память и число семь // Наука и жизнь, 2010 – №8
- Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки. 2003 – № 4(19). – С. 36–63.
- Солопов Е.Ф. Концепции современного естествознания. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 232 с.
- Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 239 с.
- Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-центр, 1996. – 206 с.
- Чубур А.А. Furry-art: от цифровой графики до сводов пещер. Попытка осмысления // Вестник Брянского государственного университета. – 2009. – № 2. – С.78–85
- Шмидт И.В. Пренатальные ритмы в календарных записях палеолита // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1. – С. 166–170.
- Шустов А.Ф. Специфика орудийного этапа развития технической деятельности и его социокультурная обусловленность // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / под общей ред. Н.В. Попковой. – Брянск: БГТУ, 2010. – Вып. 8. – С. 215–221.
- Шустов А.Ф. Культурная детерминация ценностно-нормативных аспектов развития технической деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №6 (56): в 2-х ч. Ч.1. – С. 208–210.
- Koller J., Mania D. High-tech in the Middle Paleolithic: Neanderthal-manufactured pitch identified // EJA. 2001. N 4. P. 385–397.
- Soffer O, Adovasio J.M, Hyland D.C. The «Venus» Figurines: Textiles, Basketry, Gender, and Status in the Upper Paleolithic. Current Anthropology, 2000. – 41 (4): 511–537.